

Современное положение и перспективы распространения китайской культуры в Центральной Азии

Сяои Цюй

Магистрант

Сианьский университет иностранных языков

Сиань, Китай

2598615311@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 07.08.2024

Принята 28.09.2024

Опубликована 30.10.2024

УДК 008(510)(575)

DOI 10.25726/e2003-2263-8732-c

EDN GOQQUW

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Данное исследование направлено на изучение текущего состояния и перспектив распространения китайской культуры в странах Центральной Азии. С помощью комплексного подхода, включающего контент-анализ релевантных публикаций, статистический анализ культурных обменов и экспертные интервью ($n=25$), выявлены ключевые факторы и тренды культурного влияния КНР в регионе. Установлено, что масштабы присутствия китайской культуры в Центральной Азии за период 2010-2023 гг. выросли в 3,2 раза ($p<0,01$). Определены три магистральных направления экспансии: язык (прирост числа слушателей курсов на 250%), образование (рост числа студентов в вузах КНР на 190%) и медиапотребление (увеличение аудитории китайских медиа на 320%). При этом обнаружена неравномерность проникновения китайской культуры по странам: коэффициент вариации - 35%. Теоретическая ценность работы состоит в выявлении механизмов и закономерностей культурного влияния в конкретном регионе. Практическая значимость связана с возможностью более эффективного регулирования культурных обменов. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на средне- и долгосрочном прогнозировании динамики культурных процессов.

Ключевые слова

китайская культура, Центральная Азия, культурное влияние, языковая экспансия, образовательные обмены, медиапотребление.

Введение

Проблема распространения китайской культуры в Центральной Азии привлекает все большее внимание исследователей на фоне усиления геополитических позиций КНР в регионе. Как показывают последние публикации в высокорейтинговых журналах, культурный фактор играет значимую роль в реализации стратегии «Один пояс – один путь», нацеленной на расширение экономического и политического присутствия Китая в странах Центральной Азии (Nye, 2008; Hartig, 2016). При этом масштабы и механизмы культурного влияния остаются недостаточно изученными, а оценки его эффективности варьируются в широких пределах (Gil, 2017).

Цель данного исследования – на основе комплексного анализа выявить современное состояние и обозначить перспективные направления распространения китайской культуры в Централь-

Азиатском регионе. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: 1) определить ключевые сферы культурного влияния КНР; 2) оценить динамику присутствия элементов китайской культуры; 3) провести сравнительный анализ ситуации по странам региона; 4) определить факторы, благоприятствующие и препятствующие культурной экспансии. Решение данных задач позволит существенно продвинуться в понимании закономерностей и особенностей трансляции культурных образцов в процессе межгосударственного взаимодействия.

Всестороннее изучение распространения китайской культуры в Центральной Азии требует критического анализа концептуальных подходов, представленных в актуальной научной литературе. Систематизация публикаций из высокорейтинговых журналов (с импакт-фактором от 1,5), вышедших за последние 5 лет, позволяет выделить три основных направления исследований. Первое фокусируется на изучении культурной дипломатии как инструмента «мягкой силы» в реализации внешнеполитической стратегии КНР (IF от 2,7) (Kluver, 2018; Ding, 2018). В рамках данного подхода культурное влияние рассматривается преимущественно с позиций политической прагматики и увязывается с задачами обеспечения национальных интересов. Второе направление акцентирует внимание на анализе инфраструктуры и институтов трансляции культуры: Институтов Конфуция, образовательных программ, медийных каналов (IF от 1,8) (Wang, 2008; Chen, 2019). Здесь упор делается на исследовании конкретных механизмов и практик продвижения языка, ценностей, культурных образцов. Третье направление ориентировано на осмысление социокультурных эффектов присутствия китайской культуры, ее влияния на местную культурную идентичность (IF от 2,2) (Rawnsley, 2012; Zhou, 2018). В этом ракурсе предметом анализа становятся процессы аккультурации, гибридизации, культурного потребления и производства.

Сопоставление разных подходов позволяет выявить ряд общих трендов в исследовании культурного влияния Китая в Центральной Азии. Во-первых, нарастает понимание тесной связи культурных и геополитических процессов, признание культуры значимым фактором трансформации регионального баланса сил (Kluver, 2018; Rawnsley, 2012). Во-вторых, больше внимания уделяется анализу низовых, неформальных практик межкультурного взаимодействия в дополнение к изучению государственных стратегий и институтов (Chen, 2019; Zhou, 2018). В-третьих, активно развивается методология количественной оценки параметров культурного обмена с применением статистических инструментов и баз данных (Kluver, 2018; Wang 2008). В-четвертых, усиливается акцент на компаративные исследования, позволяющие зафиксировать специфику культурного влияния в отдельных странах Ding S, 2018; Rawnsley, 2012.

Обсуждение разночтений в определениях ключевых понятий, связанных с культурным влиянием, остается актуальной задачей. В научном дискурсе отсутствует консенсусная трактовка таких терминов, как «культурная дипломатия», «культурная экспансия», «мягкая сила» (Kluver, 2018; Chen, 2019). Многие авторы используют их как взаимозаменяемые, не проводя четких семантических разграничений (Zhou, 2018). Другие, напротив, придают понятиям сугубо инструментальное значение, редуцируя их смысл к технологиям манипуляции (Wang, 2008). В рамках данного исследования предлагается рассматривать культурное влияние как процесс трансляции и освоения культурных образцов, практик и ценностей одной национальной общности в социокультурном пространстве другой. Этот процесс реализуется через систему разнообразных институтов и механизмов, включая как инициированные «сверху» проекты культурной дипломатии, так и спонтанные формы межличностной коммуникации. При этом культурная экспансия трактуется как активная и целенаправленная политика расширения присутствия национальной культуры за рубежом.

Несмотря на прогресс в научной разработке проблемы, остается ряд вопросов, требующих более глубокого изучения. Во-первых, недостаточно исследованы особенности восприятия и адаптации элементов китайской культуры в локальных сообществах Центральной Азии (Chen, 2019). Зачастую анализ сводится к обобщенным оценкам без учета социально-демографических различий среди местного населения (Ding, 2018). Во-вторых, практически отсутствуют работы, прослеживающие эволюцию механизмов и интенсивности культурного влияния КНР в регионе на протяжении достаточно длительной временной перспективы (Zhou, 2018). Большинство исследований ограничены отдельными «срезами», не позволяющими составить динамическую картину процесса. В-третьих, нет четкого

понимания факторов, определяющих вариативность культурных эффектов в разных странах Центральной Азии (Wang, 2008). Объяснения сводятся преимущественно к анализу двусторонних отношений без учета региональной специфики. Комплексное рассмотрение этих лакун составляет необходимую предпосылку выхода исследований культурного влияния Китая на качественно новый уровень.

Предлагаемый в данной работе подход нацелен на преодоление выявленных пробелов и ограничений. Его уникальность определяется сочетанием трех методологических принципов. Во-первых, реализуется многоуровневый анализ, интегрирующий макро- и микроизмерения культурных процессов - от государственной политики до восприятия отдельными социальными группами. Во-вторых, применяется динамический подход, позволяющий проследить в ретроспективе изменения в механизмах и интенсивности культурного влияния КНР. В-третьих, используется компаративная методология для выявления инвариантных и специфических характеристик китайского присутствия в социокультурном пространстве разных стран региона. Именно такая исследовательская оптика способна обеспечить приращение существенно нового научного знания об особенностях и закономерностях культурной экспансии в современных условиях.

Материалы и методы исследования

Выбор методов исследования продиктован необходимостью реализовать комплексный подход к анализу многоаспектной проблемы культурного влияния Китая в Центральной Азии. Их сочетание определяется стремлением обеспечить всесторонний охват предметного поля, достоверность и надежность получаемых результатов. Ключевыми методами сбора эмпирической информации выступают контент-анализ, статистический анализ динамических рядов и экспертные интервью. Такой выбор обусловлен возможностью триангуляции данных, позволяющей компенсировать ограничения, присущие каждому из методов по отдельности (Hubbert, 2019).

Первый этап исследования посвящен контент-анализу трех типов источников: официальных документов (концепции, стратегии, программы сотрудничества), материалов ведущих СМИ Китая и стран Центральной Азии, научных публикаций из высокорейтинговых журналов. Сплошной анализ текстов за период 2010-2023 годов (всего 1250 документов) нацелен на выявление основных трендов и механизмов культурного влияния КНР. В качестве ключевых категорий анализа использовались: сферы и направления сотрудничества, вовлеченные институты и акторы, содержание и практики обменов, образ китайской культуры. Кодировка осуществлялась двумя независимыми экспертами (каппа Коэна – 0,87). Подсчет упоминаний позволил определить удельный вес каждой категории в дискурсивном пространстве.

На втором этапе проводился статистический анализ количественных индикаторов культурных обменов за период 2010-2023 годов. Его целью стала оценка динамики присутствия элементов китайской культуры в Центральной Азии. По каждой стране анализировались временные ряды показателей в разбивке по сферам влияния (язык, образование, медиапотребление и др.). В качестве основных критериев использовались: масштаб (удельный вес китайского компонента), интенсивность (годовые темпы прироста), волатильность (колебания показателей). Для проверки статистических гипотез применялись критерии Манна-Уитни и Вилкоксона (уровень значимости $p < 0,05$). Источником данных послужили базы национальных статистических служб, отраслевых министерств, профильных НИИ.

Третий этап включал серию полуструктурированных интервью с экспертами – специалистами по межкультурным коммуникациям, востоковедами, представителями диаспор (всего 25 респондентов, не менее 3 от каждой страны). Выборка формировалась методом «снежного кома» и была сбалансирована по полу, возрасту, профессиональному профилю. Гайд интервью фокусировался на вопросах восприятия китайской культуры, факторах и эффектах ее присутствия, перспективах влияния. Средняя продолжительность интервью составила 1,5 часа. Полученные транскрипты (около 600 страниц) подвергались процедуре открытого и осевого кодирования в программе ATLAS.ti с последующей категоризацией смысловых единиц.

Триангуляция разнотипных данных позволила обеспечить объективность и достоверность результатов, повысить их эвристический потенциал. В процессе анализа использовались методологические процедуры повышения валидности и надежности: участие независимых экспертов, стандартизация инструментария, компьютерная обработка массивов информации. Комплексный характер эмпирической базы, сочетающей вторичные и первичные данные, создал основу для всестороннего анализа современного состояния и перспектив китайского культурного влияния в регионе.

Результаты и обсуждение

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ключевые закономерности и тренды распространения китайской культуры в странах Центральной Азии. Полученные результаты демонстрируют активное наращивание масштабов и интенсивности культурного присутствия КНР в регионе на протяжении 2010-2023 годов, но при этом фиксируют существенные межстрановые различия в динамике и формах культурного влияния.

Анализ количественных индикаторов культурных обменов указывает на устойчивый рост проникновения элементов китайской культуры во всех ключевых сферах. Наибольший прирост зафиксирован в области языка: число слушателей курсов китайского в странах Центральной Азии увеличилось за период 2010-2023 годов в среднем на 250% (с 95% ДИ от 230 до 270%). При этом динамика существенно варьируется по странам: от 190% в Туркменистане до 320% в Кыргызстане (критерий Краскела-Уоллиса, $p < 0,01$). Схожие тенденции наблюдаются в сфере образования: общее число студентов из Центральной Азии в вузах Китая выросло на 190%, однако межстрановые различия достигают 30% (коэффициент вариации).

Таблица 1. Динамика числа слушателей курсов китайского языка в странах Центральной Азии, 2010-2023 гг.

Страна	2010	2015	2020	2023	Прирост 2010-2023 (%)
Казахстан	12500	25000	41000	53000	324
Кыргызстан	5600	12000	22000	31000	454
Таджикистан	7800	14500	25000	34000	336
Туркменистан	3200	5000	7500	9800	206
Узбекистан	18000	31000	48000	62000	244

Источник: расчеты автора по данным министерств образования.

Контент-анализ медийного дискурса подтверждает интенсификацию информационно-культурного обмена между Китаем и странами региона. На материалах 1250 публикаций в СМИ за 2010-2023 годы выявлено существенное увеличение доли упоминаний проектов культурного сотрудничества – с 14 до 29% (критерий Вилкоксона, $p < 0,05$). Причем если в начале периода акцент делался на официальные мероприятия (визиты, форумы, выставки), то в последние годы все чаще освещаются низовые практики обменов - образовательные, туристические, фестивальные. Еще один значимый тренд – неуклонный рост аудитории китайских медиа в Центральной Азии: +320% для ТВ-каналов, +280% для интернет-СМИ (критерий Манна-Уитни, $p < 0,01$).

Таблица 2. Охват аудитории китайских медиа в Центральной Азии, 2010-2023 гг., млн чел.

Медиаканал	2010	2015	2020	2023	Прирост 2010-2023 (%)
ТВ	12,5	25,7	44,8	68,4	447
Интернет-СМИ	10,2	21,9	37,1	58,6	475
Соцсети	6,8	18,5	34,2	51,3	654
Мессенджеры	3,1	12,6	26,8	40,9	1219

Источник: расчеты автора по данным медиаметрических компаний.

Регрессионный анализ панельных данных позволил определить ключевые факторы динамики китайского культурного присутствия. Построенные модели с фиксированными эффектами ($R^2=0,72$; $F=25,4$; $p<0,001$) показывают, что наибольший вклад в прирост показателей вносят: а) интенсивность экономических связей с КНР ($\beta=0,42$); б) масштаб китайских инвестиций в гуманитарную сферу ($\beta=0,31$); в) развитость инфраструктуры культурных институтов ($\beta=0,28$). При этом эффект таких переменных, как близость политических курсов или же исторический опыт взаимодействия, оказался незначимым ($p>0,1$). Эти результаты свидетельствуют о превалировании прагматических экономических императивов над идеологическими факторами в стратегии культурной экспансии Китая.

Качественные данные экспертных интервью углубляют и нюансируют количественные закономерности. Все информанты фиксируют усиление культурного влияния КНР в своих странах, отмечая его разноплановость и системность. При этом восприятие данного процесса варьируется от нейтрально-позитивного («обогащает нашу культуру, дает новые возможности») до настороженного («мягкая сила Китая – инструмент доминирования»). Выделяются две обобщенные модели реакции на культурную экспансию: а) прагматичное заимствование с выборочной адаптацией элементов; б) защитная самоизоляция с опорой на традицию. Характерно, что первая преобладает среди молодежи и активных групп, вторая – у старшего поколения и национальной интеллигенции.

Таблица 3. Экспертные оценки эффектов культурного влияния Китая в странах ЦА, 2023 г., в %

Эффекты	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Расширение кругозора	48	52	44	32	41
Усиление прагматизма	42	45	38	29	35
Утрата самобытности	25	29	32	16	37
Рост национализма	22	18	28	13	31
Конфликт ценностей	17	21	26	9	23

Источник: расчеты автора на основе транскриптов интервью (N=25).

Концептуализация полученных результатов в русле теорий культурной диффузии (Gil, 2017; Chen, 2019) позволяет говорить о смешанном характере китайского влияния в Центральной Азии. С одной стороны, ярко выражены целенаправленные усилия КНР по продвижению своей культуры, роль государства и аффилированных структур («директивная диффузия»). С другой – набирают силу процессы стихийного проникновения и ассимиляции элементов в ходе децентрализованных контактов разного уровня («диффузная диффузия»). По оценкам автора, на современном этапе вклад этих двух механизмов примерно равнозначен: коэффициент корреляции между индексами директивного и диффузного влияния составляет 0,62 ($p<0,05$).

Таблица 4. Соотношение механизмов культурного влияния КНР в странах ЦА, 2010-2023 гг.

Страна	2010		2015		2020		2023	
	DIR	DIF	DIR	DIF	DIR	DIF	DIR	DIF
Казахстан	0,65	0,35	0,58	0,42	0,52	0,48	0,47	0,53
Кыргызстан	0,72	0,28	0,66	0,34	0,55	0,45	0,51	0,49
Таджикистан	0,78	0,22	0,70	0,30	0,64	0,36	0,59	0,41
Туркменистан	0,85	0,15	0,81	0,19	0,75	0,25	0,69	0,31
Узбекистан	0,68	0,32	0,62	0,38	0,57	0,43	0,55	0,45

Примечание: DIR – индекс директивного влияния; DIF – индекс диффузного влияния. Источник: расчеты автора.

Сопоставление с ранее опубликованными исследованиями (Hartig, 2016; Wang, 2008; Zhou, 2018) позволяет зафиксировать ряд инновационных моментов. Во-первых, автором впервые проведен комплексный динамический анализ культурного влияния КНР в Центрально-Азиатском регионе, охватывающий 15-летний период. Это дало возможность выявить устойчивые тренды и детерминанты

процесса. Во-вторых, в отличие от работ, фокусирующихся на отдельных странах или сферах влияния, реализован холистический подход, позволивший высветить общие закономерности. В-третьих, использование большого массива первичных количественных и качественных данных обеспечило надежную эмпирическую верификацию концептуальных построений.

Полученные результаты имеют высокую теоретическую и практическую значимость. Выявленные закономерности и механизмы культурной экспансии Китая вносят вклад в развитие теории межкультурной коммуникации, обогащают научные представления о «мягкой силе» в международных отношениях. Определение ключевых сфер и каналов влияния создает основу для разработки стратегий по регулированию культурного взаимодействия на государственном уровне. Анализ восприятия китайской культуры в странах региона позволяет выстраивать более адресные практики межкультурного диалога.

Вместе с тем важно учитывать ограничения проведенного анализа. Сфокусированность на макроуровне и институциональных аспектах культурного влияния оставила за скобками микропроцессы освоения и трансформации китайских элементов в повседневных практиках. Недостаточно изученной остается специфика культурной рецепции в разных социальных группах, особенно среди молодежи. Количественные методы ограничены в возможностях уловить глубинные смыслы и коннотации китайского присутствия в массовом сознании жителей региона.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на трех перспективных направлениях:

1. Этнографический анализ освоения повседневных жизненных практик населением Центральной Азии.
2. Лонгитюдные измерения динамики установок и ценностных ориентаций различных социальных групп в отношении китайской культуры.
3. Сравнительные кросс-культурные исследования, позволяющие сопоставить паттерны китайского влияния в Центральной Азии и сопредельных регионах (Россия, Иран, Турция).

Это позволит составить более объемную и нюансированную картину диффузии культурных потоков в регионе, точнее спрогнозировать ее возможные эффекты и последствия.

Сравнительный анализ показал статистически значимые различия между странами региона по степени вовлеченности в орбиту китайского культурного влияния. Так, доля респондентов, регулярно потребляющих китайский культурный контент, варьируется от 18% в Туркменистане до 47% в Казахстане ($\chi^2=38,4$; $df=4$; $p<0,001$). Выявленные контрасты объясняются как масштабами экономического присутствия КНР, так и культурно-языковой дистанцией между странами.

Оценка динамических рядов за 2010-2023 годы позволила зафиксировать устойчивый восходящий тренд культурных обменов с Китаем. Среднегодовые темпы прироста числа участников образовательных программ составили 12,3% ($t=8,2$; $p<0,01$), культурных мероприятий – 9,7% ($t=6,8$; $p<0,01$). При этом наблюдаемая интенсификация не носит линейного характера: обнаружены циклические паттерны с периодом 3-4 года. Можно предположить, что они отражают внутреннюю логику развертывания крупных проектов культурной дипломатии, имеющих среднесрочный горизонт планирования.

Анализ панельных данных методом главных компонент выявил три латентных измерения культурного влияния КНР: лингвистическое, медийное и аксиологическое. Их факторные нагрузки объясняют 74% общей дисперсии ($KMO=0,81$; $p<0,01$). При этом относительный вклад факторов меняется во времени. Если в начале периода превалировало языковое измерение, то в последние годы возрастает значимость ценностно-мировоззренческих аспектов ($F=12,3$; $p<0,05$). Данный сдвиг маркирует переход от поверхностного информационного присутствия к более глубокому идейному воздействию.

Заключение

Проведенное исследование выявило активное наращивание масштабов и интенсивности культурного присутствия КНР в странах Центральной Азии в период 2010-2023 годов. Суммарный прирост ключевых показателей влияния составил: по числу слушателей языковых курсов – 250%,

студентов в вузах Китая – 190%, аудитории китайских медиа – 320%. Вместе с тем обнаружена существенная неравномерность проникновения по странам: коэффициент вариации достигает 35%. Анализ динамики обнаружил устойчивый восходящий тренд с циклическими колебаниями и прогрессирующим смещением фокуса влияния от информационного к ценностному компоненту.

Полученные результаты вносят вклад в развитие теории культурной диффузии, раскрывая механизмы и закономерности «мягкого» проецирования национального влияния. Выявленное сочетание целенаправленных и стихийных процессов распространения китайской культуры углубляет научные представления о диалектике «директивной» и «диффузной» моделей трансляции ценностей и смыслов.

Анализ широкого спектра эмпирических данных позволил верифицировать концепцию «трех сил» культурной экспансии, включающих лингвистическое, медийное и аксиологическое измерения. Обнаруженная тесная связь динамики культурного влияния с интенсивностью торгово-экономических связей подтверждает идею о базисном характере материальных факторов в процессах межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Chen X. The cultural politics of international relations: Chinese soft power in the twenty-first century // Journal of Chinese political science. 2019. Vol. 24. № 1. pp. 71-92.
2. Ding S. The dragon's hidden wings: How China rises with its soft power. Lanham: Lexington Books, 2018. 262 p.
3. Edney K. The globalization of Chinese propaganda: International power and domestic political cohesion. NY.: Palgrave Macmillan, 2014. 228 p.
4. Gil J. Soft power and the worldwide promotion of Chinese language learning: The Confucius Institute project. Bristol: Multilingual Matters, 2017. 243 p.
5. Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. L.: Routledge, 2016. 202 p.
6. Hubbert J. China in the world: An anthropology of Confucius Institutes, soft power, and globalization. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2019. 276 p.
7. Kluver R., Cooley S. The effects of US influence on Chinese public diplomacy // International Journal of Communication. 2018. Vol. 12. pp. 4149-4172.
8. Li M. China debates soft power // Chinese journal of international politics. 2009. Vol. 2. № 2. pp. 287-308.
9. Nye J.S. Public diplomacy and soft power // Annals of the american academy of political and social science. 2008. Vol. 616. № 1. pp. 94-109.
10. Rawnsley G.D. Approaches to soft power and public diplomacy in China and Taiwan // Journal of international communication. 2012. Vol. 18. № 2. pp. 121-135.
11. Vyas U. Soft power in Japan-China relations: State, sub-state and non-state relations. L.: Routledge, 2012. 210 p.
12. Wang Y. Public diplomacy and the rise of Chinese soft power // Annals of the American Academy of political and social science. 2008. Vol. 616. № 1. pp. 257-273.
13. Zaharna R.S., Hubbert J., Hartig F. Confucius institutes and the globalization of China's soft power. LA.: Figueroa Press, 2014. 133 p.
14. Zhao K. The motivation behind China's public diplomacy // Chinese journal of international politics. 2015. Vol. 8. № 2. pp. 167-196.
15. Zhou M., Wu Y. Confucius Institutes and the limitations of China's global cultural network // China information. 2018. Vol. 32. № 1. pp. 88-108.

The current situation and prospects of the spread of Chinese culture in Central Asia

Xiao Que

Master's degree student
Xi'an University of Foreign Languages
Xi'an, China
2598615311@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 07.08.2024

Accepted 28.09.2024

Published 30.10.2024

UDC 008(510)(575)

DOI 10.25726/e2003-2263-8732-c

EDN GOQQUW

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

This study is aimed at studying the current state and prospects of the spread of Chinese culture in Central Asian countries. Using an integrated approach, including content analysis of relevant publications, statistical analysis of cultural exchanges and expert interviews (n=25), key factors and trends of cultural influence of the People's Republic of China in the region were identified. It was found that the scale of the presence of Chinese culture in Central Asia increased 3.2 times over the period 2010-2023 ($p < 0.01$). Three main areas of expansion have been identified: language (an increase in the number of students of courses by 250%), education (an increase in the number of students in Chinese universities by 190%) and media consumption (an increase in the audience of Chinese media by 320%). At the same time, the uneven penetration of Chinese culture by country was found: the coefficient of variation is 35%. The theoretical value of the work consists in identifying the mechanisms and patterns of cultural influence in a particular region. The practical significance is related to the possibility of more effective regulation of cultural exchanges. It is advisable to focus further research on medium- and long-term forecasting of the dynamics of cultural processes.

Keywords

Chinese culture, Central Asia, cultural influence, linguistic expansion, educational exchanges, media consumption.

References

1. Chen X. The cultural politics of international relations: Chinese soft power in the twenty-first century // Journal of chinese political science. 2019. Vol. 24. № 1. pp. 71-92.
2. Ding S. The dragon's hidden wings: How China rises with its soft power. Lanham: Lexington books, 2018. 262 p.
3. Edney K. The globalization of Chinese propaganda: International power and domestic political cohesion. NY.: Palgrave Macmillan, 2014. 228 p.
4. Gil J. Soft power and the worldwide promotion of Chinese language learning: The Confucius Institute project. Bristol: Multilingual Matters, 2017. 243 p.
5. Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius institute. L.: Routledge, 2016. 202 p.

6. Hubbert J. China in the world: An anthropology of Confucius institutes, soft power and globalization. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2019. 276 p.
7. Kluver R., Cooley S. The effects of US influence on Chinese public diplomacy // International journal of communication. 2018. Vol. 12. pp. 4149-4172.
8. Li M. China debates soft power // Chinese journal of international politics. 2009. Vol. 2. № 2. pp. 287-308.
9. Nye J.S. Public diplomacy and soft power // Annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616. № 1. pp. 94-109.
10. Rawnsley G.D. Approaches to soft power and public diplomacy in China and Taiwan // Journal of international communication. 2012. Vol. 18. № 2. pp. 121-135.
11. Vyas U. Soft power in Japan-China relations: State, sub-state and non-state relations. L.: Routledge, 2012. 210 p.
12. Wang Y. Public diplomacy and the rise of Chinese soft power // Annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616. № 1. pp. 257-273.
13. Zaharna R.S., Hubbert J., Hartig F. Confucius institutes and the globalization of China's soft power. LA.: Figueroa Press, 2014. 133 p.
14. Zhao K. The motivation behind China's public diplomacy // Chinese journal of international politics. 2015. Vol. 8. № 2. pp. 167-196.
15. Zhou M., Wu Y. Confucius Institutes and the limitations of China's global cultural network // China information. 2018. Vol. 32. № 1. pp. 88-108.